

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМАЦИОННЫЙ СМЫСЛ ЭПОХИ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Пиков Геннадий Геннадьевич,

*доктор исторических наук, доктор культурологии,
заведующий кафедрой всеобщей истории*

*Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1*

ORCID: 0000-0002-9818-0307

gennadij-pikov@yandex.ru

Аннотация

В статье обращается внимание на то, что феномен маргинальности – это образование собственной окружающей среды, хотя и не растворение в ней полностью. Традиционная культура уходит в «подвалы» общества или проявляется в жизнедеятельности и ментальности маргиналов. В обществе, пораженном кризисом, сталкиваются несколько культурных траекторий: нисходящая, восходящая и, для маргиналов, – разрыв традиционных связей и создание своего собственного, совершенно иного мира. По сути, маргинальность – третья культура, особое социокультурное состояние. В статье рассматриваются соответствующие ее компоненты.

Рассматриваются предпосылки глобальной культурной трансформации. Ситуация в Европе начинает принципиально меняться на рубеже I–II тысячелетий. Складывание эпохи европейской Трансформации можно начинать с XI–XIII веков, когда появляется «католическая» Европа. Феноменальным по своим результатам было «Возрождение XII века» – первое действительно общеевропейское Возрождение у истоков эпохи Трансформации. С него началось движение к Высокому Ренессансу. Особо выделяется такое событие, как Крестовые походы (XI–XIII века). После Крестовых походов перспективными и преобладающими в Европе и Северной Америке становятся два варианта капитализма, и дальше идет их медленная конвергенция. Рубежным для современников стал XIII век. С одной стороны, Европа, казалось бы, достигла конца истории, создав некую оптимальную модель. С другой стороны, явственно стала видна и обратная сторона представления о «конце истории». Монголы, захватив большую часть Евразии, переформатировали этнополитическое пространство. В этом веке и рождается, по сути, капиталистическая Европа как особый вариант развития.

Выделение эпохи трансформации отнюдь не означает, что следует отказаться от привычного деления европейской истории на известные периоды: Античность, Средние века, Новое время. Эта периодизация удачно подчеркивает социальные и экономические аспекты и дает хронологическое понимание переходных процессов. Эпоха Трансформации более объемна, поскольку речь идет о переходе от многовекового традиционного общества к новому этапу развития человечества. Ни Возрождение, ни Реформация не создали новую культуру. Так называемая буржуазная культура будет многоголовой, одновременно и интернациональной, и национальной. Главное видится в освобождении человека от прежней мощной цивилизационной модели – латинско-христианской, т. е. имперско-церковной, а в конечном итоге – в формировании нового типа человека.

Ключевые слова: Европа, эпоха Трансформации, формация, новый человек, маргинал, Средние века, Раннее Новое время.

Библиографическое описание для цитирования:

Пиков Г.Г. Формирование нового человека как формационный смысл эпохи Трансформации в истории Европы // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 2. – С. 366–383. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-366-383.

Noto novus. В отечественной науке проблемы, связанные с маргинальными слоями общества или отдельными личностями, изучаются относительно недавно. Здесь, как и в зарубежной историографии, часто для определения маргинального положения личности использовались термины «чужой», «другой», «иной», «аутсайдер», «маргинал», «чужая одушевленность». Эверетт Стоунквист¹ определял маргинального человека как ключевую личность (key-personality) в контактах культур, когда две культуры переплетаются и нарождающаяся культура создает синтез своего и чужого, однако сказанное им и Р.Э. Парком в отношении «чужого» в культуре² можно перенести и на «своего». Складывалась ситуация, когда общество, как считал Э. Дюркгейм, оказывается в состоянии аномии как следствии разрыва социальных связей, и, по мнению Э. Стоунквиста, в психологии человека проявляются дезорганизованность, опшеломленность, беспокойство, внутреннее напряжение, разочарованность, отчаяние, ощущение «неприступной стены», разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, представление о бессмысленности существования, агрессивность [6, с. 323, 324].

Это четко видно и на примере взаимодействия «вертикальных» культур (эпох), когда конфликтуют не «чужие», а «свои», хотя и чужаки чаще попадают сначала именно в их среду как в своего рода чистилище. Маргинал «схож со всеми, идентичен им и в то же время он калека среди подобных – человек с отсеченными корнями, рассеченный на куски в самом сердце

¹ «Маргинальный человек» (1937).

² Этот образ фактически создал еще Георг Зиммель на рубеже XIX–XX веков [7].

родной культуры, родной среды» [12]. Феномен маргинальности – это образование собственной окружающей среды, хотя и не растворение в ней полностью. Отсюда и такое буквальное толкование латинского термина *marginalis*, как расположенный на границе, у края, отсюда и ложное понимание социокультурной неполноценности этих людей. Традиционная культура уходит в «подвалы» общества или проявляется в жизнедеятельности и ментальности пришлых маргиналов (цыгане, беженцы с Востока). Соответственно, основными критериями маргинальности являются внешность, запах, физические аномалии, отсутствие «души», сверхъестественные способности (к оборотничеству, магии, колдовству), «неправильное» поведение и чуждый язык. В обществе, пораженном кризисом, сталкиваются несколько культурных траекторий: нисходящая, восходящая и, для маргиналов, разрыв традиционных связей, постепенное вытеснение (или насильственный выброс) за пределы законности и создание своего собственного, совершенно иного мира.

По сути, маргинальность – *третья культура*, особое социокультурное состояние, а не просто некая переходная форма, подсознание культуры; она лежит в точке пересечения этих маршрутов. Перед появлением понятия «цивилизация» (XVIII в.) произошло подготовительное разграничение «высокого» и «низкого», «высокой» культуры и «низкого» (бытового) поведения. В Средние века все были равны перед Богом и каждый находился на своем месте, сейчас же появляются социокультурные ложи и галерка. Именно в этом веке происходит максимальная поляризация европейского населения.

Если исходить из того, что бытовое поведение – тоже знаковая система, а поступки людей можно характеризовать как высказывания, то маргинальное есть действительно вполне самостоятельная форма культуры. Она системна и состоит из ряда присущих культуре как системе компонентов: человек как сверхприродный объект, человек как субъект деятельности, человек как продукт культуры, внебиологические способы деятельности, широкое поле деятельности, выходящее за границы собственно природы, признание господствующей религии или идеологии как обязательной, обязательное толкование базовых идей, специфическое их понимание (на основе принципа «свободы»), доходящее до противопоставления им системного комплекса «понятий», пригодных для «другой жизни», представление о «другой жизни», антимораль, тоталитарный характер «правильной» культуры, отрицание свободы личности, иерархия индивидов, отрицание «ученой» культуры, устный характер «культуры», особая роль специфических «понятий», традиций, обычаев, особая роль авторитетных фигур, жесткая социальная критика, отрицание идеи прогресса, претензии на «истинное» понимание сути жизни, акцент на ментальности, а не на идеологии, транснациональность, предпочтение биологических

ценностей социальным и др. Именно в этой маргинальной среде распространяются так называемые абстрактные идеи. Ее слоган можно обозначить как беспредельная тяга к удовольствиям и непрекращающийся голод. Для маргиналов социально значимы такие понятия, как индивид, социум, труд, богатство, собственность, справедливость, свобода, право. Они предельно равнодушны к физическому миру, но проблемы мира социального для них экзистенциально важны. По мнению А. Грина, «члены любого общества имеют идеалы, которые непосредственно не связаны с общественными целями. Этими идеалами мы называем абстрактные чувства. Примеры: “Все люди рождаются свободными и равными”, “Справедливость победит в конце концов”, “Я как социальная ценность” и т. д.». (цит. по [1, с. 236]). Именно они и являются «стандартами поведения, которые служат основой социального взаимодействия» [1, с. 236].

Если в Средние века маргиналы были изгоями, выходили за рамки социальной структуры, фактически их вообще не считали за людей, то теперь они начинают обретать «человеческие» черты и создают свой собственный и особый мир. Как заметил Ф. Бродель, «прогресс невозможен без определенного повышения ценности человека» [2, с. 364], и то, что «личность стала базовой ценностью западной цивилизации» [10, с. 198] и утвердилось «представление, что ценность личности в ее самости» [9, с. 214], видно и в маргинальной культуре. Маргиналы в XVII века так громко заявили о себе, что в обществе, быть может, впервые начинает формироваться представление о том, что они, как, впрочем, и остальной простой народ, не есть опилки цивилизации, «чернь», некие «недоразвитые», а существуют как вполне самостоятельные личности.

Если в Средние века маргиналами чаще всего были «чужие», жившие к тому же максимально изолированно (евреи в гетто, сарацины в отдельных кварталах, пришедшие издалека школяры, записывавшиеся в свои «нации» и т. п.), то теперь это «низы», оторванные от «культуры» и «деградировавшие» до уровня животных в стае, поскольку не принимали новые ценности. Для маргинальности характерна автаркизованность, замкнутость, это «островная» культура посреди океана «чужебесия». Она принципиально внеэволюционна. Отгораживание от общества – обратная сторона «революции». Маргиналы не звали «вперед» или «назад», а пошли в биологическое, к «зверю» в человеке, т. е. отвергли «культуру» ради «натуры». Разумеется, что неосознанно, без определенной программы, рецептов, лозунгов – только действия, но они оказываются не менее «культурными», помогая строить специфическую социокультурную модель.

Маргинализация затрагивает всё общество. Капитализм стремительно размывает прежние социальные и этнические группы. На их месте возникают новые национальные и социальные конструкторы. При этом на «дно»

общества опускается огромное количество людей. Кризис обусловлен кульминацией конфликтов в социальной, политической, этнической, идеологической сферах. «Дробь культурь», в числителе которой находится социальное, а в знаменателе биологическое, переворачивается. Это находит выражение в различных «пороках», поразивших общество. «Добродетель, верность, целомудрие скучны и вызывают насмешку. Порок идеализируется» [8, с. 98]. Нарождаются новые ценности: атеизм, эгоизм, культ денег, оправдание конкуренции без оглядки на мораль и т. п. Своеобразным лозунгом эпохи стала знаменитая фраза маркизы Помпадур: «После нас хоть потоп».

Это было и результатом своеобразного «перехлеста» Возрождения, ставившего целью возрождение лишь великой античной культуры, но фактически возродившего через реновационный механизм не только культурные, но и биологические ценности предшествующих веков. В результате «маргинализации по горизонтали» выходцы из деревни привнесли в городскую культуру традиционно-патриархальные обычаи, привычки и нормы.

В низовой маргинальной культуре идет суровая критика нарождающегося общества (и это в самом начале его истории!). В Средние века критиковали отдельные недостатки, но до отрицания общественного строя фактически не поднимались даже еретики. В XVII–XVIII веках критикуется общество *в целом*, на всем протяжении своего существования. Но маргиналы низов не борются со «старым» или «новым», они просто отворачиваются от него. Естественно, что главная «обида» у них на современную модель. Общество их занятия (убийство, воровство, прелюбодеяние и др.) объявляет аморальными и противоречащими Заповедям, незаконными, а маргиналы в ответ романтизируют их.

Маргинальная культура – явление сугубо городское. Исчезающее крестьянство выступало за возврат к феодализму, против деформированного капитализмом феодального строя, отсюда «антифеодальный» характер крестьянских войн данного времени.

Когда же именно начинается эта эпоха? Отвечая на этот вопрос, придется существенно скорректировать традиционное представление о переходной эпохе между Средними веками и Новым временем.

Предпосылки глобальной трансформации начинают проявляться задолго до нее.

На рубеже I–II тысячелетий начинает принципиально меняться ситуация в Европе. Эти изменения стали одной из составных частей этнополитической и геополитической трансформации Евразии в целом. На рубеже тысячелетий северную границу ислама прорвали тюркские племена и начали широко распространяться на юг. Именно их продвижение станет одной из предпосылок для организации Крестовых походов против

«неверных». Отношения с исламом, как классическим, так и новым тюркским, становятся всё более и более напряженными. В Испании Реконкиста, добившаяся определенных успехов к XI веку, зашла в тупик после помощи испанским маврам со стороны североафриканских Альморавидов, а впоследствии Альмохадов. После битвы при Залакке христиане существенно уступили свои позиции.

Итогом этого первоначального переформатирования Азии можно считать сокращение возможностей для жителей Западной Европы расширять свою территорию. Это станет одной из первых причин перехода к более интенсивным формам ведения хозяйства и развитию межрегиональной торговли. Западная часть материка была отдалена от мировой торговли того времени, даже в условиях господства аграрного производства это уже представляло серьезное неудобство.

Выручало расширение внутриевропейских связей. Христианский мир существенно расширился на восток – произошла христианизация Восточной Европы. Новые христиане поддерживали восточную трактовку вероучения, и начинает окончательно оформляться «православие». Раскол христианства усугубил ситуацию в культурно-идеологическом плане. Начинает оформляться особая «католическая» зона; 1054 год – год формального раскола и оформления «католицизма», его же можно признать существенной вехой в рождении новой цивилизационной зоны, будущей цивилизации.

Важным маркером можно признать и начало использования периодизации от Рождества Христова. В папских актах она встречается с папы Иоанна XIII (965–972 гг.), хотя регулярно используется со времени Евгения IV (1431 г.). На этой основе возникнет «Проблема 1000-го года» как конца света, тоже своего рода маркер и признак наступления новой эпохи.

Складывание эпохи европейской Трансформации можно смело начинать с XI–XIII веков, когда появляется «католическая» Европа. В это время в западном христианстве произошел переход от дуалистической модели потустороннего мира (ад и рай) к троичной (ад – чистилище – рай). Жак ле Гофф связывает это со сдвигами в производстве и социальном строе Западе [5, с. 369–371]. Действительно, распространение городов и рост прослойки горожан способствовал формированию новых духовных потребностей в образовании и знаниях, стремлению к точности мысли и слова (это видно у такого поэта, как Франсуа Вийон), в конечном итоге переориентации «с небес на землю», да и пересмотру отношений с иным миром. Богачам грозил ад, а существование чистилища давало надежду на спасение.

С XI века начинает сказываться особое воздействие ислама. Налаживаются активные экономические связи, усиливается паломническое движение, в результате чего происходит более близкое знакомство двух цивилизаций.

В Европе возникают порты, по выражению Ж. ле Гоффа – «эмбрионы городов», во многом обусловившие изменение экономической и социальной структуры Запада, а «движение коммун потрясет политические структуры» [3, с. 8].

Феноменальным по своим результатам было «Возрождение XII века» – первое действительно общеевропейское Возрождение у истоков эпохи Трансформации. С него началось движение к Высокому Ренессансу. По-новому была переосмыслена сама идея ренессанса. Это был последний «имперский» ренессанс, в рамках которого политическим идеалом оставалась империя. После него открывалась широкая дорога к ренессансам «республиканским», хотя и в них еще некоторое время обсуждалась возможность и применимость модели империи или хотя бы ее сохранение или использование для объединения Европы (Данте). Без Ренессанса XII века не было бы национальных ренессансов XIV–XVI веков.

История «республиканских» ренессансов неслучайно начинается в Италии, ибо там Античность и ее культура были, так сказать, прямо «под ногами». Но эта «античность метарегиона» осмысливалась и как культура собственно итальянская, национальная. Все ренессансы начинаются с метарегионального уровня и только потом ищут ответы уже в собственной древности. Нельзя начинать с «варварской» культуры, ею можно только заканчивать процесс преобразования. Всё же в основе культур всех европейских государств лежат универсальное право, язык, литература, философия, христианство. В Италии этой дихотомии почти не существовало. Там легче было продолжать универсалистские тенденции эпохи Древнего мира – как имперские римские, так и греческие республиканские. Там еще в древности сложился идеал республик, коррелировавший с древнегреческой моделью, там же его и начали копировать. Остальная Европа тоже приходила к этим идеям. Они проявлялись в английской Великой хартии вольностей 1215 года, в устройстве имперских городов, в идеологии социальных и политических движений (заговор общества «Бедный Конрад» XVI века).

Именно Италия была «воротами» Востока, откуда также шло мусульманское универсалистское понимание античности. Она играла ключевую роль в торговле с Востоком, в которой сплетались так или иначе интересы разных слоев общества, и в общении с исламом. Там образовался первый «идейный рынок», где начинают высоко котироваться идеи «торговли», «античности», «свободы», «равенства».

Все революции в эпоху Трансформации начинаются на площадях и рынках городов. Но там же зарождается и высшая математика, ибо именно там впервые особенно остро встают проблемы новой экономики и новой ментальности.

Впрочем, Италия была и центром христианства, которое создало средневековый имидж Античности, и именно с ним нужно было бороться в первую очередь. Этот образ сдерживал культуру. Но Италия стала и первым крупным центром формирования, по сути, нового типа человека – «щепкого» *европейца* (Ф. Бродель). Новая ментальность именно здесь пробуждается после ликвидации Каролингской империи (в рамках Среднего государства) и в противовес идеологии Священной Римской империи.

Именно здесь возникают первые университеты (Салерно, Болонья) и формируется новая система трансляции знания, связанная с воспитанием и образованием в городе, а не в монастыре.

Особо выделяется такое событие, как Крестовые походы (XI–XIII вв.). Это не просто яркая страница истории Европы, а одно из событий, которыми она всегда будет гордиться. Оно стоит в одном ряду с монгольскими походами, завоеванием Америки, нашествием гуннов, Возрождением, Реформацией. По аналогии с другими передвижениями этнических групп, они рассматриваются в качестве «походов», но есть и другие клише, под которые их подгоняют: «разбойничьи», «грабительские», «захватнические». Но именно потому, что они уникальны, предлагается рассматривать их именно как уникальное явление, хотя и связанное со многими другими этническими, политическими, экономическими и культурными процессами.

Эта уникальность двоякая. С точки зрения развития европейской цивилизации такого явления в ее истории не было ни до, ни после. Однако и в общей истории взаимоотношений различных цивилизаций подобного не было. Дело не в масштабности военного противостояния, а именно в характере взаимоотношения двух «миров». Проникновение в иной «мир» происходило часто, но в итоге пришельцы, как правило, ассимилировались, а здесь налицо попытка создать нечто вроде «офшорной зоны». По сути, это первый подобный случай в эпоху Средневековья.

Крестоносцы вначале собирались занять лишь небольшой район, чтобы, как провозглашалось официально, обеспечить свободу доступа к святым местам. Тогда это было актуально и злободневно. Важно было также обеспечить полный или хотя бы частичный доступ к восточной торговле.

Любая цивилизация, а для европейской это, может быть, особенно характерно, не столько стремится завоевывать чужие территории, сколько старается сделать их зоной своего контроля, проводя экономическую и культурную экспансию. В результате в окружающем пространстве неизбежно формируется «периферия» и «полупериферия». Далекое проникновение небезопасно, ибо можно подпасть под чужое цивилизационное влияние. Однако Крестовые походы были направлены в достаточно далекие страны (потому и «поход»!).

В истории взаимоотношений христианства и ислама это единственная «горячая война». Реконкиста не в счет, поскольку это происходило в пределах Европы, и Испанию берберы реально хотели «захватить», чтобы расселиться там, т. е. осуществляли классический захват. Ни до, ни после этих «войн» захватов или набегов не было, лишь пиратские рейды с обеих сторон. Лишь в XX веке Запад стал активно проникать в пределы Востока. Еврейские переселенцы стали своего рода пионерами этого проникновения, хотя для этого им пришлось участвовать в ряде войн с арабами.

Крестовые походы являются центральным и поворотным моментом в истории как Европы, так и исламского мира.

Прежде всего они максимально заблокировали прежние векторы развития этих территорий. До той поры Европа развивалась традиционно экспансионистским путем и могла расширяться только на Восток. Однако далеко продвинуться не смогла: Восток, хотя и был богатым и желанным и казался слабым, оказался ей не по силам. Если бы сформировавшиеся к началу II тысячелетия планы были реализованы, европейцы смогли бы и далее развиваться традиционно, паразитируя на этих богатствах.

После Крестовых походов перспективными и преобладающими для Европы оказалось два варианта.

1. Капитализм как интенсификация всех ресурсов (экономических, культурных, идеологических).

2. Строительство совершенно нового общества в Северной Америке. К реализации этого уникально нового проекта привело использование испытанного традиционного средства – территориальной экспансии в виде Великих географических открытий (на первом их этапе).

В результате в Европе и Северной Америке складываются два варианта капитализма, и дальше идет их медленная конвергенция.

В XVIII–XIX веках Запад снова придет на Восток, но уже не как «паразит» и «завоеватель», а как «эксплуататор». В Южной Америке во многом продолжится паразитирование на родном и известном «феодализме».

Ислам испытал со стороны Европы удар не столько военный, сколько цивилизационный. Ранее он использовал «античность» и «христианство», но в рамках средневекового их понимания. В Крестовых походах Европа дала новое после IV века толкование этим своим культурам. Она начала активно их «возрождать», т. е. создавать не только новое прочтение, но и новый их синтез, а у ислама идеологические источники оставались традиционными. Он попытался примирить такие крупные и агрессивные культурные потоки, как «античность», «христианство» и тюркская ментальная культура, между собой и с самим исламом. Этот процесс быстрым и легким быть не мог.

Исламский мир в этот период имел дело уже не с общим для всего авраамического пространства раннесредневековым христианством, а с самым агрессивным и боевым его вариантом (до Нового времени) – католицизмом.

Крестовые походы усилили идейное противостояние двух цивилизаций. Начинается многовековая информационная война христианства, т. е. Европы, и ислама (Среднего Востока). Никогда и нигде ни до, ни после не было еще таких столкновений под религиозными лозунгами. Инициатором оказалась именно Европа, ислам не был столь агрессивен идеологически. В этом он похож на православие. В обоих мирах была слишком большая территория, разносторонне экономически развитая и в этом плане вполне самодостаточная, мультикультурность и полицентричность, в результате чего всё цивилизационное пространство с трудом контролировалось идеологически. На первом месте была мироустроительная функция, направленная внутрь цивилизации, а не внешняя идейная экспансия, как в Европе того времени («католичность» как претензия на всемирность). Ислам оборонялся, а не нападал, если не считать активной ассимиляции этой религии тюрками и образование прифронтового пространства («фронтيرا») с Европой.

Иерархию интересов участников Крестовых походов выстраивать нет смысла, ибо здесь всё взаимосвязано, хотя и не однозначно. Однако для большинства участников религиозный аспект был решающим, к тому же остальные проблемы могли решаться только с помощью религии. Отметим, что Крестовые походы всегда возглавляли самые главные и авторитетные лидеры как со стороны Европы, так и со стороны ислама.

В этих походах проявилась необычайная жестокость, сопоставимая разве что с войнами Чингизидов. Не есть ли это признак эпохи в целом?! Здесь, понятно, было не только проявление именно религиозного фанатизма. Слишком серьезна была ситуация в Европе, слишком серьезны были экономические интересы.

Крестовые походы резко усилили взаимную неприязнь. Отсюда и крайние их оценки – от «религиозного подвига» до проявления варварской сущности средневековых «дикарей». Стоит отметить, что это говорили не только мусульмане, но и европейцы. В этот период были выработаны идеи и лозунги, которые впоследствии активно использовались: европейцами – во времена колониализма, азиатами в XX и XXI столетиях – в священных войнах с европейцами. Обе стороны пропагандировали насилие от имени Бога. Здесь впервые столкнулись два встречных «огня» – Евангелие и джихад.

Итогами Крестовых походов стали облегчение положения Европы, оттягивание конца феодализма, ускорение процесса складывания нацио-

нальных государств, но при условии сохранения феодальной экономики и феодальной империи, и более активное складывание национальных культур. В этом плане нижней границей эпохи Трансформации вполне можно считать конец Крестовых походов, ставших квинтэссенцией и первым синтезом трансформирующих факторов.

XIII век вообще стал своего рода рубежным для современников. С одной стороны, Европа, казалось бы, достигла конца истории, создав некую оптимальную модель. Крестовые походы вывели за пределы континента огромную массу «лишних» людей, с трудом находящих себе место в структуре общества: безземельных рыцарей, крестьянских сыновей, маргиналов всех мастей. Okрепла королевская власть. На дорогах стало спокойнее. Стали активно развиваться города, ремесла, торговля. Необычайно возрос авторитет церкви, заявившей в лице папы Иннокентия III о вселенском характере своей власти. Пришедшие с другого конца ойкумены монголы продемонстрировали, что христианская «истина» известна и там, а значит, достигнута цель истории и все люди разделались по отношению к «истине».

С другой стороны, явственно стала видна и обратная сторона представления о «конце истории». Монголы, захватив большую часть Евразии, перереформировали этнополитическое пространство. Они в одночасье одной «силой» добились того, чего христиане со своим Словом не могли добиться более тысячи лет. Широко распространились ереси. После Четвертого крестового похода, в ходе которого при попустительстве папы был захвачен крестоносцами христианский Константинополь, авторитет католической церкви пошатнулся. Демократические идеи Нового завета всё больше теснили этику и практику ветхозаветных времен. Молодые европейские государства вступили в борьбу друг с другом за земли. «Горгашеские» ценности, по выражению Э. Ренана, овладевали умами людей. Деньги становились мерилom всех вещей. Нищенствующие ордена своими проповедями усиливали эсхатологические ожидания. Европа, по сути, живущая в состоянии идущего конца света, готовилась к смерти цивилизации. Образ смерти стал затмевать образы истинного христианина, благородного рыцаря и прекрасной дамы.

В этом веке рождается городская Европа [4, с. 155]. Это проявляется в усилении динамики населения, появлении новых центров экономического и интеллектуального развития, повышении роли торговли и торговцев.

Возникают городские школы как новые центры образования. Во многих городах в них обучалось до 60 % детей. В Реймсе в них учились даже девочки. Закладывались основы новой системы высшего образования сначала в виде таких «этажей», как комплекс Семи свободных искусств (квинтэссенция античного и раннесредневекового знания), Алкуинов-

ская реформированная школа периода Каролингской империи и университеты как «высшее образование». Именно сюда свои апологетические акции направляла схоластика, здесь активно формировалась своеобразная генерация «городских монахов», здесь подвизались нищенствующие ордена [4, с. 156].

Довольно быстро растущая прослойка городских ремесленников стала усиливать производственную роль и функцию города. Усиливается городская ментальность. Складывается оппозиция «город – деревня», имеющая не меньшее значение, чем прежняя «цивилизация – варварство». Горожане считают себя, по сравнению с крестьянами, «вилланами» – «свободными», о чем свидетельствует известная немецкая пословица «Городской воздух делает свободным» (*Stadtluft macht frei*). Понятно, что и в городе была своя система зависимостей, хотя городская жизнь бывшим крестьянам казалась истинной свободой.

Широко распространяется античная концепция города, идущая от Аристотеля и Цицерона: главное в городе не стены, а люди [4, с. 157]. Ее развивали еще Августин и Исидор Севильский, но в XIII веке доминиканец Альберт Великий в своих проповедях «предлагает своеобразную теологию города, исследование городского духа: узкие и темные улочки ассоциируются у него с адом, а широкие площади – с раем» [4, с. 158]. «Частью городской ментальности становится урбанистическая картина мира» [4, с. 158]. Меняют свое лицо улицы, которые постепенно перестают быть лишь «местом, по которому идут и едут». Они благоустраиваются, появляются свои памятники. Стены воспринимаются не столько как средство обороны, сколько как символ города.

В городе развивается литература. Вместо пейзажа горожане воспевают город, дают обширную информацию о его многоукладности, экономической активности, красоте памятников, церквей. Формируются легенды об основателях городов. Город становится одной из основных тем тогдашней исторической науки.

Символичными в XIII–XIV веках были две фигуры – Данте Алигьери и Фома Аквинский.

В творчестве Данте можно обнаружить признаки достаточно глобального переформатирования христианства с новым по характеру и более основательным использованием античности и ислама. Возможно, он мнил себя пророком, хотя, по-моему, с этой точки зрения на него еще не смотрели. Его видят исключительно внутри секулярности, поскольку он занимался философией. Отсюда звание «последнего поэта», мыслителя, стоявшего у истоков гуманизма и отстававшего, по сути, антихристианство. Однако он не мог действовать исключительно в поле секулярности и не «проверял» христианство на «истинность». Скорее, он пытался сочетать его с ан-

тичностью, в чем-то подражая Платону и другим античным кодификаторам. Симптоматично, что (в отличие, скажем, от Фомы) Данте берет «живую» античность, а не исламскую ее трактовку. Для Европы это были две новые «опасности», две провокации – европейская стихийная античность и ее исламская трактовка как антитеза официальной. В чем-то они играли роль тогдашней поп-культуры, тем более что иной еще быть не могло.

Выделение эпохи Трансформации отнюдь не означает, что следует отказаться от привычного деления европейской истории на известные периоды: Античность, Средние века, Новое время. Эта периодизация удачно подчеркивает социальные и экономические аспекты и дает хронологическое понимание переходных процессов. Эпоха Трансформации более объемна, поскольку речь идет о переходе от многовекового традиционного общества к новому этапу развития человечества.

В этой эпохе интересно всё. Прежде всего сама эпоха, в рамках которой происходили такие эпохальные процессы, как Возрождение, Реформация, Великие Географические Открытия; существовали такие незаурядные люди: Данте, Леонардо, В. Шекспир, Ф. Вийон, М. Монтень, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Рафаэль, Ж. Боден. В XV веке жили и работали Лоренцо Валла, Джованни Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Георгий Гемист Плифон.

Надо различать разные уровни развития Европы. На макроуровне Европа XV века – часть многовековой западной цивилизации. Есть смысл делить ее историю не только на время традиционного общества и общества посттрадиционного, но и внутри традиционного периода увидеть два важных этапа: оригинальное и самостоятельное развитие средиземноморско-варварской культуры и время, когда все культурные потоки оказались объединены «пришлой» религией – христианством.

Два эпохальных цивилизационных процесса – «освобождение» собственно европейской культуры от «диктата» чужой религии и уход традиционного общества – не могли не наложить отпечаток на культуру собственно XV века. В это время наблюдается подлинное столпотворение идей.

Важен и такой цивилизационный процесс, как Ренессанс. Возрождение традиционно понимается лишь как возрождение античной культуры. Это действительно имело место, но были и другие, менее заметные, но не менее важные процессы. В этот период рождается новый «вариант» человека. Это выводит на первый план по влиятельности скорее не литераторов, а простого человека. Вийон – один из них. Важно, что он не только поэт, но и новый человек.

Возрождение как идеология – явление отнюдь не чисто итальянское. Возрожденческая психология во Франции повсеместна. Она, возможно, еще более широка и сильна, чем в Италии. Во Франции была своя ориги-

нальная средневековая культура, у нее была своя империя, «не хуже» Римской, свое свободомыслие, мощный след оставили варварские культуры. Это больше сказалось на эволюции сознания, чем итальянская мода.

К тому же французский Ренессанс – одна из ипостасей Северного Возрождения. Оно по определению не итальянское и не могло стать его копией или клоном. Перед ним стоят свои проблемы, которые оно пытается решать, обращаясь к Античности. Однако, эта Античность не только общеевропейская, хотя отчасти и в итальянской «упаковке», уже осмысленной итальянскими гуманистами. В главном она – своя, в ней сложно сочетались разные начала: кельтское, германское, каролингское. Есть и своя политическая, историческая и экономическая мысль.

Возрождение, понятно, не реанимировало античную культуру или античного человека в первозданном виде. Гуманисты какие-то произведения добавили, какие-то перевели заново. Они отодвинули на второй план христианство, против чего лишь отчасти успешно боролась Реформация. Ее новое прочтение античных и средневековых культур создало на континенте лишь протестантский архипелаг. Европа не стала целиком протестантской, но она реально изменилась. Ни Возрождение, ни Реформация не создали новую культуру, так называемая буржуазная культура будет многоликой: одновременно и интернациональной, и национальной. Главное видится в освобождении человека от прежней мощной цивилизационной модели – латинско-христианской, т. е. имперско-церковной, а в конечном итоге – в формировании нового типа человека.

Когда рождается этот новый человек, условно назовем его «городским», то Возрождение становится стихийным. В этом его кардинальное отличие от средневековых северных ренессансов, феномен которых во многом был спровоцирован сознательной политикой имперских элит – каролингской и оттоновской. Собственно, «возрождением» его называют из-за возрождения древних текстов, но суть этого процесса более сложна. Филологическая и литературная работа идет лишь на поверхности и предназначена для «надстройки», а главное идет на глубине – в психологии, в ориентации человека на иные формы и методы выживания. Рождается новый человек, который, если не отрываться от Франции, противостоит и средневековому христианству, и итальянскому прочтению всей европейской культуры. Он «сжигает то, чему поклонялся».

Довольно скоро, уже в XVI веке, начнут поклоняться тому, что «сжигали» предшествующие полтора тысячелетия. В античной культуре особенно важна психология, построенная на земных ценностях и радостях, рационализме и свободомыслии, т. е. на всем том, что определяло жизнь общества, его менталитет. А это значит, что не только высокие философские, правовые и иные идеи, но и рецепты, которыми крестьяне, феодалы

и горожане пользовались «дома», стали использовать не только в домашней, но и в общественной жизни. Уже города периода развитого феодализма стали проводить эту реновацию, но фактически лишь для организации городской общины. Теперь город начинает руководить развитием всего общества. Многоликий античный цивитас, а не полис (город для избранного «народа»), становится ядром государства.

Любой новый временной поток рождается не мгновенно, им не руководит «бог из машины». Прежняя мозаика рассыпается постепенно, а новую еще долго придется складывать. Однако в это время под «картиной» становится видным грубый грунт. Это, например, грубая действительность Франции после Столетней войны: униженной, разоренной, обворованной и, несмотря на «победу» над англичанами, не видящей смысла своего существования. Сто с лишним лет борьбы, бедствий, поражений и унижений не были забыты. Многим казалось, что страна не оправится от страшных ран и никто ей не поможет, разве что Христос, пришествия Которого с таким ожесточением ждали. Французы в то время – толпа одиночеств, одинокие люди, почти переставшие надеяться друг на друга, на Бога и вообще на кого-либо или что-либо. Маргинализация культуры традиционно воспринимается как смесь разных слоев, восприятие высоких культур опустившимися людьми. На деле важно то, что люди, исключенные по каким-то причинам из «уважаемых» слоев общества, опустившиеся «на дно», живут по иным правилам и рецептам. Уже в силу этого маргиналы отворачиваются от общепринятых культур, критикуют их. Новая ментальность сначала особенно ярко проявляется именно у маргиналов. Они борются со старым, отворачиваются от него, но, не видя перспективного, нового, они просто выживают.

Выход из «подполья» античной ментальности шел в борьбе политических групп, классов, империи и церкви, которые пытались удержать власть разных этнокультурных зон, Средиземноморья и Северной Европы, формирующихся наций, цивилизаций Запада и Востока. На людей буквально обрушились стихийные бедствия, войны, разруха, экономическая перестройка. И в этом хаосе перед людьми стояла элементарная задача выжить.

Литература

1. Боборыкин В.Е., Зинченко Ю.Г. Изучение ценностного сознания личности социологическими средствами // *Философия образования: сборник материалов конференции*. – СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2002. – С. 230–239. – (Серия «Symposium»; вып. 23).
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
3. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. – СПб.: ИД СПбГУ, 2003. – 158 с.

4. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. – СПб.: Alexandria, 2014. – 397 с.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 374 с.
6. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
7. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 670 с.
8. *Козьякова М.П.* Эстетика повседневности: материальная культура и быт Западной Европы 15–19 веков. – М.: ГИТИС, 1996. – 176 с.
9. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство, 1999. – 412 с.
10. *Раков В.М.* «Европейское чудо» (Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. – 253 с.
11. *Фарж А., Рашковский Е.* Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989.

Статья поступила в редакцию 30.01.2021.

Статья прошла рецензирование 14.06.2021.

FORMATION OF A NEW PERSON AS A FORMATIONAL MEANING. THE ERA OF TRANSFORMATION IN THE HISTORY OF EUROPE

Pikov Gennady,

Dr. of Sc. (History), Dr. of Sc. (Cultural Studies),

Head of the Department of General History,

Humanities Institute of the Novosibirsk State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9818-0307

gennadij-pikov@yandex.ru

Abstract

The article draws attention to the fact that the phenomenon of marginality is the formation of one's own environment, although not completely dissolving into it. Traditional culture goes into the "basements" of society or manifests itself in the life and mentality of marginals. In a society affected by crisis, several cultural trajectories collide: descending, ascending and, for the marginalized, breaking traditional ties and creating their own, completely different world. In fact, marginality is the third culture, a special socio-cultural state. The article discusses its corresponding components.

The prerequisites of global transformation are considered. The situation in Europe begins to change fundamentally at the turn of the I–II millennia. The formation of the era of European Transformation can begin with the XI–XIII centuries, when "Catholic" Europe appears. Phenomenal in its results was the "Renaissance of the XII century", the first truly pan-European Revival at the origins of the era of Transformation. With this, the movement towards a High Renaissance began. The Crusades (XI–XIII centuries) are particularly highlighted. After the Crusades, two variants of capitalism become promising and predominant in Europe and North America, and then their slow convergence continues.

The XIII century became a milestone for contemporaries. On the one hand, Europe, it would seem, reached the end of history by creating some kind of optimal model. On the other hand, the reverse side of the idea of the "end of history" became clearly visible. The Mongols, having captured most of Eurasia, reformatted the ethno-political space. In this century, capitalist Europe is born, in fact, as a special development option.

Highlighting the era of transformation does not mean that we should abandon the usual division of European history into known periods: antiquity, the Middle Ages, modern times. This periodization successfully emphasizes social and economic aspects and provides a chronological understanding of transitional processes. The era of Transformation is more voluminous, since we are talking about the transition from a centuries-old traditional society to a new stage of human development.

Neither the Renaissance nor the Reformation created a new culture, the so-called bourgeois culture will have many faces, both international and national.

The main thing is seen in the liberation of man from the former powerful civilizational model, Latin-Christian, i. e. Imperial-ecclesiastical, and ultimately – in the formation of a new type of man.

Keywords: Europe, the era of Transformation, formation, new man, marginal, Middle Ages, Early Modern Times.

Bibliographic description for citation:

Pikov G. Formation of a New Person as a Formational Meaning. The Era of Transformation in the History of Europe. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 2, pp. 366–383. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-366-383.

References

1. Boborykin V.E., Zinchenko Yu.G. Izuchenie tsennostnogo soznaniya lichnosti sotsiologicheskimi sredstvami [The study of the value consciousness of the individual by sociological means]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. Collection of conference materials. St. Petersburg, Saint-Petersburg philosophical society Publ., 2002, pp. 230–239.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. Paris, Armand Colin, 1979 (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 1. Moscow, Progress Publ., 1986. 622 p.).
3. Le Goff J. *Les intellectuels au Moyen Âge*, Le Seuil, 1957 (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Intellektualy v Srednie veka*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003. 158 p.).
4. Le Goff J. *L'Europe est-elle née au Moyen Âge?* Seuil, 2003 (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Rozhdenie Evropy*. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2014. 397 p.).
5. Le Goff J. *La civilisation de l'Occident Médiéval*, Flammarion, 1997 (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. Moscow, Progress- Akademiya Publ., 1992. 374 p.).
6. Gurevich A.Ya. *Srednevekovi mir: kul'tura bezmolstvnyushchego bol'shinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 396 p.
7. Simmel G. *Izbrannoe*. T. 1. *Filosofiya kul'tury* [Selected works. Vol. 1. Philosophy of culture]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 670 p. (In Russian).
8. Koz'yakova M.I. *Estetika ponednevnosti: material'naya kul'tura i byt Zapadnoi Evropy 15–19 vekov* [Aesthetics of everyday life. Material culture and life of Western Europe of the 15th – 19th centuries]. Moscow, GITIS Publ., 1996. 176 p.
9. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 412 p.
10. Rakov V.M. "Evropeiskoe chudo" (*Rozhdenie novoi Evropy v XVI–XVIII vv.*) ["The European Miracle" (The Birth of a New Europe in the XVI–XVIII centuries)]. Perm, Perm State University Publ., 1999.
11. Farge A., Rashkovskii E. Marginaly [Marginals]. *50/50. Opyt slovarya novogo myshleniya* [50/50. Experience of the dictionary of new thinking]. Moscow, Progress Publ., 1989. (In Russian).

The article was received on 30.01.2021.

The article was reviewed on 14.06.2021.